

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕЦЕССИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

К. С. Пузырев

REGIONAL SECESSIONISM IN MODERN EUROPE: ORIGINS AND FEATURES OF MANIFESTATIONS

K. S. Puzyrev

В статье анализируются истоки и природа регионального сепаратизма в современной Европе. Автор рассматриваются основные причины сепаратизма, его связь с политическими процессами в современной Европе. Показаны отличия сепаратизма начала XXI века от проявлений сепаратизма предшествующих исторических периодов.

The paper analyzes the origins and nature of regional secessionism in modern Europe. The author considers the main causes of secessionism, its relationship with the political processes in modern Europe. The differences between secessionism in the early 21st century and manifestations of secessionism in previous historical periods are analyzed.

Ключевые слова: сепаратизм, национализм, региональные движения, этничность, этническая фрустрация, воображаемые сообщества, археомодерн, модерн, постмодерн.

Keywords: secessionism, nationalism, regional movements, ethnicity, ethnic frustration, imagined communities, archeomodern, modern, postmodern.

Различные гипотезы, существующие в современной политической науке, пытаются объяснить истоки феномена сепаратизма и наряду с этим – прояснить его природу и основания. Феномены этнической, национальной и региональной фрустрации различными путями ведут к эскалации конфликтов. В то же время сепаратистские движения XXI века последовательно воплощают в себе отказ от насилия. Так или иначе, политические партии, выступающие в роли представителей освободительных движений национального и регионалистского толка, возникают как в процветающих, так и в сравнительно бедных регионах Европы.

Каковы же причины этого явления? Для выявления последних следует обратиться к предыстории вопроса. Те, кто мог наблюдать европейские дебаты о регионализме 1970-х и 1990-х гг. и помнит, что их основной темой являлась судьба «освободительных движений» и национализм, могут ощутить своеобразное ощущение *déjà vu*, глядя на современные события. Подобные аргументы все чаще звучат в условиях, когда случаи использования ирредентистскими движениями насильственных методов в деле отстаивания интересов «безгосударственных наций» становятся все более редкими. Кто же сегодня добивается более широкой автономии и независимости, ставя под сомнение традиционные формы государственности? И возможно ли справиться с возникшей политической фрустрацией посредством компромисса, например, путем федерализации существующих государств?

Сегодня борьбу за доминирование в рамках политического дискурса ведут оптимисты и пессимисты, защитники «национального единства» и приверженцы лозунга «Малое – прекрасно!» [7], приверженцы идеи «самоопределения наций» и оппоненты из лагеря сторонников идеи «национального государства». Политологи, рассматривающие эту проблему, нередко руководствуются по преимуществу личными убеждениями, сами при этом являясь сторонниками сепаратизма и регионализма.

Сепаратизм – не только предмет дискуссии между европейскими «правыми» и «левыми». Идея сепаратизма находит поддержку у «правых» политиков – и особенно у тех из них, которые желают возродить ее под видом возвращения к «золотому прошлому». Она не менее популярна и среди европейских «левых», особенно у тех из их числа, кто рассматривает сепаратизм как шаг, позволяющий нации преодолеть капитализм и освободить для нее путь к «социалистической альтернативе» (почти в полном соответствии с идеями Прудона).

В то же время ведшиеся на протяжении всего XX в. дебаты о том, что первично – национальное освобождение или социальная революция – потеряли свое значение для движений за автономию. При этом относительно новой для него темой стала т. н. «политика идентичности». Так, конфликт между властями Канады и Квебека, связанный со стремлением сложившейся в этой провинции безгосударственной франкофонной нации сохранить свою культурную, экономическую и политическую идентичность в рамках государственного союза, вызвал мощный резонанс в странах ЕС. В итоге к движению примкнули защитники региональной идентичности разной степени радикальности. Они отдают абсолютный приоритет интересам «национализма меньшинств» даже тогда, когда это имеет своим последствием сепаратизм.

Кто же из числа политических акторов желает отделения в условиях современной Европы? Кто сегодня добивается более широкой автономии и независимости и ставит, таким образом, под сомнение традиционные и устоявшиеся формы государственности. В литературе существует три основных гипотезы, с помощью которых пытаются объяснить причины сепаратизма.

Первой из них является т. н. «гипотеза постоянства». Она утверждает, что социальная группа, требующая автономии, существует в течение длительного времени. Ее представители требуют, часто находясь под жестким давлением своих референтных групп,

реализации некоторых прав, которыми априори обладают в качестве «нации». Еще Т. Парсонс утверждал, что именно интенсификация этнических чувств и требование политических прав приводят в итоге к сепаратизму [5, р. 53 – 83]. В отличие от примордиалистов, которые отстаивают тезис об изначальном существовании определенных этнических групп, приверженцы «гипотезы постоянства» акцентируют тезис о том, что политическая мобилизация «этнического» происходит не сама по себе, но требует определенных условий; тем самым ставится под сомнение безусловный характер самого понятия «этничности».

Вторая гипотеза, объясняющая причины сецессионизма как явления, рассматривает последний в качестве специфического продукта национализма и результатом национальных движений, имеющих своей целью национальное самоопределение. Националисты, представляющие малые нации, называют «субъективные» и «объективные» основания для международно-правового признания своих наций. Первая линия аргументации опирается у них на знаменитое утверждение Э. Ренана о том, что национальная принадлежность является «каждодневным плебисцитом» и опирается на признание нации как некой коллективной общности без рассмотрения отдельных составляющих ее личностей [6, р. 32 – 33]. «Объективными» чертами национальной принадлежности, с точки зрения этого подхода, являются общий язык, религия и история. Однако подобный подход к определению национальной принадлежности сегодня является малоприменимым. Тот факт, что сегодня одна отдельная личность может являться обладательницей множества идентичностей, заметно усложняет вопрос о «маркерах этничности».

Национальные движения набирают силу именно тогда, когда идентификация отдельных личностей с «малой нацией» начинает сталкиваться с прежде существовавшей лояльностью в отношении государственной нации.

Наконец, третья гипотеза связывает сецессионизм с «территориальным императивом». Согласно ее приверженцам, чувство национальной принадлежности сегодня все больше определяется территорией в соответствии с максимой: «Человек – это социальное животное, которое нуждается в собственной территории» [4, р. 1]. Исходя из этого, они рассматривают сецессию как средство достижения цели.

Все три гипотезы значительно отличаются друг от друга по своему содержанию. Они расходятся в определении главного принципа, который кладут в основу своих рассуждений о природе сецессии, выдвигая на первый план соответственно этническую принадлежность, национальное самоопределение или территориальную лояльность.

Каковы же, собственно, причины фрустраций, охватывающих сегодня немалое число этнических и региональных сообществ? Д. Лайтбоди развивает так называемую трехуровневую модель для анализа этнических фрустраций [3, р. 327 – 337]. На первом шаге конфронтация политического центра с требованиями «национализма меньшинств» не приводит к возникновению долговременного политического напряжения, однако требования меньшинств могут быть из-

менены и трансформированы с помощью политических институтов (например, через федерализацию государства, как это было в Бельгии, либо его децентрализацию, как это имело место в Испании). Создание новых субнациональных единиц наподобие кантона Юра в Швейцарии или же посредством проведения языковой политики, как это имело место в Уэльсе. С более сильным вызовом со стороны «национализма меньшинств» государство сталкивается уже на втором шаге, когда урегулирование конфликта далее невозможно без коренного изменения ситуации, связанной с общим состоянием дел в государстве. Это приводит к возникновению «тлеющих» конфликтов, которые могут в любой момент обостриться (как это случилось в свое время с Бретанью, Корсикой, Страной Басков, и как это сегодня происходит с венгерским меньшинством в Румынии и Словакии). На третьем шаге возникает конфликт между институтами центральной власти и «национализмом меньшинств», для которого теперь уже отсутствуют приемлемые решения. Центр оказывается в состоянии «отложенного» конфликта (как в случае с Шотландией), либо пытается подавить его (используя военную силу, как это было в Чечне). В то же время для стран ЕС применение насилия при решении проблем сецессии рассматривается как неприемлемый вариант.

Некоторые авторы между тем утверждают, что первый и второй шаги, связанные с существенными уступками национализму меньшинств, связаны с известным парадоксом. Чем больше уступок центральная власть делает национализму меньшинств, тем более очевидным становится их конфликт с Центром, с возможной трансформацией конфликта в попытку сецессии. Конфронтационный характер национализма меньшинств вполне укладывается не только в логику этнического и регионального самоопределения, но и в конфликт, порожденный «конкуренцией претензий» между регионами и нациями. В этом контексте следует рассматривать ряд современных движений за выравнивание прав в отношениях между регионами одной страны, имеющими различный статус.

По мнению Р. Штурма, в современных условиях следует различать шесть основных причин сецессионизма:

- а) относительная депривация;
- б) «внутренний колониализм» и «культурное разделение труда»;
- в) отставание в экономическом развитии;
- г) угроза национальной идентичности;
- д) ирредентизм;
- е) процесс конструирования нации [8, р. 327 – 337].

Относительной депривацией называют форму неравноценного развития территорий в определенной стране. Некоторые экономически успешные регионы получают возможность наиболее полно воспользоваться своими экономическими ресурсами и конкурентными преимуществами до тех пор, пока пользуются поддержкой центральной власти. Региональные элиты берутся за оружие не тогда, когда уровень экономического развития представляемого ими региона ощутимо падает, но тогда, когда их экономические успехи и экономическая ситуация начинают рассмат-

риваться как «особый случай» (примерами последнего являются Каталония и Фландрия).

Подавление национального потенциала развития является ключевым тезисом теории «внутреннего колониализма». Последняя также утверждает, что центральное правительство устанавливает режим «культурного разделения труда». Последнее не позволяет представителям национальных меньшинств пользоваться целым рядом политических и экономических возможностей, а национальная элита остается для них закрытой. Примерами подобного явления могут служить Северная Ирландия, где католики и ирландские националисты подвергаются социальной и институциональной дискриминации, или Бельгия, где фламандцы в течение XX века подвергались социальной и языковой дискриминации.

Актуальный экономический потенциал определенной нации может использоваться двумя основными способами. В этом отношении особенно значимой является проблема ЕС с ограниченностью возможностей регионов, вызванной несправедливым характером распределения ресурсов национальным правительством, усугубляющая таким образом положение наиболее нуждающихся из них. Последний аргумент сыграл особенную роль в определении позиции Фландрии и Каталонии. В Шотландии борьба за нефтяные ресурсы страны имеет уже 30-летнюю историю и никак не дойдет до своего логического конца.

Сецессия также может объясняться реакцией на реальную либо мнимую угрозу национальной идентичности. Национальная идентичность – это широкое понятие. Она связана не только с такими исходными величинами, как язык, религия, культура или история. Важнейшим источником современного конфликта в Шотландии, к примеру, является различие в ожиданиях между центральным правительством и шотландцами от обещанного ранее «государства всеобщего благосостояния».

Религиозная идентичность, в свою очередь, сыграла большую роль в распаде бывшей Югославии. В то же время для находившегося до последнего времени в силе валлийского национализма в центре внимания был вопрос о языке. Помимо этого, вопрос о национальной идентичности лежал в основе сецессионистских устремлений в Каталонии и Квебеке.

Ирредентизм, в свою очередь, означает стремление определенной нации или национального меньшинства, ранее связывавшего себя с определенным национальным государством, добиться отдельного и самостоятельного политического существования. Подобные формы сецессионизма мы обнаруживаем в Северной Ирландии (ольстерцы тяготеют к Ирландской Республике), Южном Тироле (стремящемся присоединиться к Австрии).

Помимо этого, сецессионизм может являться результатом этнической мобилизации, политически новые или же прежние территориальные элиты стремятся конструировать определенный националистический «нарратив», содействуя трансформации реально существующего общества в некоторое желаемое «воображаемое сообщество» (*imagined community*) [2]. При этом политика идентичности важнее, чем традиционная тематика «хлеба с маслом». Иерархия поли-

тических ценностей и целей определяется стремлением к автономии, благодаря чему роль «политических предпринимателей» в учреждаемом государстве становится решающей.

Какими же специфическими чертами характеризуется современный сецессионизм?

По сравнению с сецессионистскими движениями XX века их современные аналоги обладают определенной спецификой. Одной из их характерных особенностей является последовательный отказ от насилия. Еще 40 лет назад ситуация выглядела едва ли не диаметрально противоположной: насильственные методы борьбы активно использовались такими сецессионистскими движениями, как ЭТА в Испании, FNLC на Корсике, ИРА в Северной Ирландии и ряда других. Сегодня для сецессионизма главным политическим инструментом реализации своих целей стало голосование на выборах и референдумах. Методы репрезентативной демократии взяты на вооружение, а прежде существовавшая связь между сепаратизмом и антикапитализмом оказалась разорвана. Национализм меньшинств все чаще представлен сегодня партиями и движениями, выдвигающими лозунг борьбы за «освобождение». Сецессия находит сегодня все более широкую поддержку скорее в процветающих регионах Европы, нежели в беднейших территориях.

Экономическая конкурентоспособность новых государств обсуждается сегодня активнее, чем право на самоопределение. Членство в международных организациях, и прежде всего в ЕС, становится новой и привлекательной темой для сецессионистов. При этом в силу ангажированности национальных судебных систем юридические аргументы часто играют серьезную роль в борьбе за сецессию на практике. Практически повсеместно сецессионизм является реакцией на несправедливую и дискриминационную политику Центра. Определенным шансом для Центра в подобной ситуации становится использование диалога, постепенное признание новых наций и создание того или иного варианта «разделенной государственности».

Таким образом, анализ приведенных выше фактов и обстоятельств позволяет нам сформулировать следующие заключения в отношении специфической природы сецессионизма современной эпохи.

Так, прежний (традиционный) сецессионизм был порожден ситуацией Модерна, когда национальные особенности противопоставлялись процессам рационализации, унификации, протекавшим в недрах современного общества. Сепаратизм рубежа XX – XXI веков порожден ситуацией Постмодерна, когда, напротив, унифицирующих норм нет, и произошло возрождение на символическом уровне некоторых элементов политической архаики (мифологема крови и почвы, расы), которые в качестве своеобразных симулякров включены в постмодернистский контекст.

Современный сецессионизм порожден системным кризисом институтов государства, когда последнее, де-факто утратив монополию на легальное применение насилия, перестало быть способным внедрять из единого центра, связанного с принятием решений, определенный политический и правовой порядок. Сецессионизм эпохи Модерна противостоял нацио-

нальному государству как унифицирующему институту. Сепаратизм эпохи Постмодерна связан с экспансией регионов в качестве легитимных и признанных объектов политики в качестве легитимного властно-политического уровня. Современные сепаратисты стремятся не сокрушить государство-Левиафан, но встроиться в качестве самостоятельного звена (ячейки) в глобальные политические сети, занять в них достойное место наряду с другими акторами глобальной политики.

Помимо этого, государство сегодня перестало быть единым и единственным центром обеспечения политического порядка, что вызвало общий кризис последнего. Это в свою очередь предоставило регионам карт-бланш в реализации собственных стратегий политического самоопределения. Данное обстоятельство до известной степени легитимировало сепаратизм и деятельность сепаратистов в глазах общественного мнения.

Как результат в ситуации «Архео-Модерна» (А. Дугин) произошло возрождение и легитимация национализма как разновидности идеологии меньшинств и специфического симулякра [1]. Последний активно используется «этническими предпринимателями» (национальными и региональными элитами) в целях более выгодной «продажи» на глобальном политиче-

ском рынке собственной этничности, регионального колорита и специфики с целью их последующей конвертации в международное признание. Это позволяет им получить доступ к новым политическим ресурсам и статусам, и побуждает акторов сепаратизма активнее осваивать глокализационные стратегии.

Кризис национального государства также приводит к кризису общенациональных идентичностей, также ранее внедрявшихся из единого государственного центра. Постепенно утверждается модель множества (плюрализма) идентичностей – глобальной, общенациональной, региональной, локальной и других, которые равноправны и сосуществуют друг с другом в контексте «мультикультурного общества». Это дает дополнительный стимул региональному сепаратизму как инструменту политической защиты этих региональных идентичностей.

В конечном итоге региональный сепаратизм является следствием внутреннего надлома Модерна и кризиса механизмов воспроизводства соответствующего ему типа политического порядка. Поэтому решение проблемы регионального сепаратизма в современном мире возможно не на основе на партикулярных стратегий, а в результате комплексной ценностно-мировоззренческой и политической ревизии Постмодерна в его глобальном измерении.

Литература

1. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
2. Anderson B. R. O'G. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1991.
3. Lightbody J. A note on the theory of Nationalism as a function of Ethnic Demands // Canadian Journal of Political Science. 2(3). 1969. P. 327 – 337.
4. Mayo P. E. The roots of identity. London: Allen Lane, 1974.
5. Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity // Glazer N., Moynihan D. P. (eds.). Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, 1975. P. 53 – 83.
6. Renan E. Ou'est-ce qu'une nation? Paris: Gallimard, 1997.
7. Schumacher E. F. Small Is Beautiful: A Study of Economics As If People Mattered. London, 1973.
8. Sturm R. Regionale Autonomie und Sezession // WeltTrends. № 98. September/Oktober 2014.

Информация об авторе:

Пузырев Константин Сергеевич – аспирант кафедры политических наук КемГУ, nastya-puzryeva@mail.ru.

Konstantin S. Puzryev – post-graduate student at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель: Омеличкин Олег Викторович** – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук ФПНИС КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.)

Research advisor: Oleg V. Omelichkin – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.